

Марина Соловьёва

Родилась в 1967 году в Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт, работает врачом. Рассказы опубликованы в журнале «Нижний Новгород» и в альманахе «Земляки». С рассказом «Анестезия» вошла в лонг-лист международного литературного конкурса «Данко» (2022). Автор романа «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет», изданного в Нижнем Новгороде в 2021 году.

Время покажет

Рассказ

Стася смотрела в окно немигающим взглядом. Что-то в ее застывшей позе было неестественным, напоминающим сильно перетянутую струну, которую сложно стронуть с места, а еще труднее заставить правильно звучать. Она на секунду выглянула во двор, отодвинув яркую плотную занавеску в красных маках, да так и замерла, приподнявшись на пальцах, как хрупкая длинноногая цапелька с одной высоко поднятой согнутой лапкой, которую забыла опустить. Я протирала мягкой губкой гладкую стеклянную, поблескивающую в лучах солнечных стрел поверхность кухонного стола и увлеченно рассказывала дочери о чем-то своем. Стася откровенно не слушала, полностью погрузившись в свои мысли, словно улетела в далекие, только ей известные закоулки памяти, и пугала своей неожиданной отстраненностью. Мои слова были словно теннисные шарики, которые я отправляла дочери, а они тут же возвращались назад, звонко отскакивая от нее, как от непробиваемой железобетонной стены.

– Да что с тобой происходит, Стася? Ау! Что же можно увидеть в окне такого интересного? Стоишь как парализованная! – я подошла поближе и отдернула занавеску.

Во дворе на лавочке около детской площадки сидел молодой лохматый парень без ноги, рядом лежали костыли. В песочнице возились два малыша двух-трех лет, за которыми он неустанно следил, демонстрируя невероятные чудеса ловкости и скорости для человека с ограниченными возможностями. Стоило деткам подойти близко к бортику или сделать попытку его перелезть, как парень с легкой грацией дикой кошки вмиг

оказывался рядом и заботливо отправлял их назад к недостроенным куличикам.

– Кто это, Стася?

Дочь повернула ко мне побледневшее лицо с потусторонним безжизненным взглядом остекленевших пустых глаз, немного помолчала, словно собираясь с мыслями. Мне вдруг показалось, что она выглядит болезненно худой, ее красивое лицо с тонкими правильными чертами неожиданно заострилось и напомнило мумию. Безжалостно обесцвеченная челка неестественно топорщилась среди ее густых темных идеально гладких волос и сияла ярким несуразным пятном.

– Это Жека. Помнишь моего Женьку? – Голос ее прозвучал неожиданно хрипло...

***

Стася и Женя познакомились в медицинском институте на пересдаче экзамена по патанатомии и сразу сошлись на том, что хуже предмета нет и быть не может. Сначала они вместе сидели и тряслись перед дверью в экзаменационный зал, потом переглядывались и перемигивались во время подготовки, пытаясь при возможности оказать хоть какую-то помощь, а потом ждали друг друга в вестибюле. Вернее, Женька, отстрелявшийся первым, долго сидел на подоконнике в ожидании Стаси.

Станислава вышла из кабинета с серьезным выражением лица, но уже через секунду расплылась в своей фирменной открытой и очень располагающей улыбке, способной растопить любое сердце, всем своим видом показывая, что барьер по имени «патанатомия» взят и страх отчисления из института остался в прошлом. Вот только что все было сложно и непредсказуемо, непонятное подвешенное состояние расшатывало нервы, давило и мешало спокойно жить, нависая дамокловым мечом

с реальной угрозой неприятных жизненных перемен... и вдруг – вжух! – и, словно по мановению волшебной палочки, все встало на свои привычные и понятные места, сразу отпустило и сделалось так хорошо, что хотелось петь, танцевать, всех обнимать и целовать. Женька стремительно соскочил со своего подоконника и с невероятной скоростью закружил вокруг себя визжащую от счастья Стасю. Приятное чувство облегчения смешивалось с восторгом от вновь обретенной свободы и разливалось по телу мягкими убаюкивающими волнами. Радость от наконец-то сваленного, пусть даже с третьей попытки, экзамена, от возможности остаться в стенах института и идти дальше зашкаливала. Расставаться не хотелось. Этот особенный «день взятия патанатомии» в конце лета, оказавшийся таким великодушным и снисходительным, решено было отпраздновать в ближайшем кафе. Непременно хотелось закрепить успех и отметить приятное знакомство. Через какое-то время туда подтянулись лучшие друзья – одноклассники Женьки.

– Знакомься, теперь вся троица здесь: «Камень, Ножницы, Бумага», – так нас называли в школе.

Женька одним движением руки растрепал свои идеально подстриженные волосы, вмиг став похожим на взъерошенного воробья после приятного купания в летней луже, и продолжил:

– Илья – конечно, Камень. Добрый, верный, внутри очень мягкий, хоть это из всех сил скрывает, но «камень». Приложить может и словом, и делом, да так, что мало не покажется. Он не только внешне крепкий, но и надежный, таких мало. Если я начинаю путаться в своей системе координат, то именно он быстро и своевременно подставит плечо и укажет правильное направление. Тебя он, скорее всего, будет называть девонькой, привыкай, это нормально.

Илья скромно стоял почти навытяжку, пока его представляли, подтверждая каждое слово Жеки легким кивком большой светловолосой головы, и слегка улыбался, демонстрируя ряд почти ровных зубов с небольшой веселой щербинкой по центру. Он напоминал какого-то сказочного чудо-богатыря, большого, доброго и сильного, способного в одно мгновение скрутить врага в бараний рог. Стася заворожено смотрела на него и перебирала в голове имена известных ей могучих силачей, пока не дошла до Ильи Муромца. Точное попадание, прямо в десяточку, конечно, это он, самый настоящий русский богатырь, у которого и сила, и дух, и, соответственно, сила духа всегда в наличии. Стася улыбнулась своим мыслям, а получилось, что Илье, и он тут же чуть неуклюже поклонился и старательно, хоть и немного робко поцеловал ей руку в знак знакомства.

– Это Вовик, а для некоторых господин Вальдемар. – Женька приобнял симпатичного чернявого парня с привораживающей загадочной улыбкой. Причем улыбался тот только уголками рта и прищуренными глазами глубокого зеленого цвета с поволокой. – Он славный, хоть и немного ветреный, быстро загорающийся и еще быстрее сгорающий от избытка собственного огня, оставляющий после себя лишь горстку никому не нужного пепла. Сам потом от этого страдает, но виду никогда не подает. Он точно настоящая бумага, такая тонкая, хрустящая, почти пергаментная, полупрозрачная и хрупкая субстанция. Кажется, что видишь его насквозь, ан нет – иллюзия. Он умеет своими мягкими и выразительными, едва заметными движениями «обернуть» кого угодно, приворожить, обаять и вмиг заставить играть по своим правилам. В этом, уж поверь мне, Вовику нет равных. И с нашим Камнем он справляется так же технично, как в известной детской игре, так

что Илюша даже не всегда понимает и замечает, что действует давно не по своему сценарию. Грамотная упаковка – это утонченный стиль нашего Вальдемара. Так «обернет», что и не поймешь, какой сюрприз внутри сидит и что тебя ждет в итоге. Он у нас мастер томных взглядов и сладких речей, напоминающих патоку, медленно растекающуюся по тарелке густым сиропом. Такая ложка густого меда, неспешно плавящаяся в горячем молоке, когда вроде слишком сладко и обжигает до боли, а оторваться не можешь.

Худощавый Вовик стоял с идеально прямой и ровной спиной и напоминал танцора или человека из мира балета. Он с легкостью и грацией театрально припал к Стасиной руке, замерев в демонстративно нежном поцелуе чуть дольше, чем требовалось.

– Ого! Стася, не смей попадаться на его удочку! Знаю я все его уловки уже наизусть! Обычно он смотрит глаза в глаза до тех пор, пока роговица не начинает сохнуть, а потом возникает частое моргание, переходящее в манящие взмахи ресничками-веерами, причем все это действие происходит с полным осознанием яркости и неизгладимости производимого впечатления. Потом трогательный поцелуй руки с зависанием на несколько лишних секунд, вызывающий своей недосказанностью мурашки у всех представительниц слабого пола поголовно, включая стоящих рядом и просто наблюдающих... – Женька предостерегал и веселился одновременно.

– И фамилия у нашего Вовочки – Рассказов, очень проясняющая образ, – вклинился «Илья Муромец», сверкнув своей смешной щербинкой. – И все девоньки на его рассказы падкие!

– А ты, Илюша, своей абсолютно не соответствующей образу фамилией Мотыльков, наоборот, все следы запутываешь и людей сбиваешь с толку! – не полез за словом

в карман Вальдемар, скользнув по Стасе замутненным взглядом выразительных зеленых глаз.

Стася смеялась, не понимая, что тут правда, а что придумки мальчишек, смеялась просто оттого, что было легко и весело в этой компании своих новых приятных знакомых, которых она видела впервые, а чувствовала себя так, словно знала их всю жизнь.

– Ну, а я – Ножницы, острые, колющие и режущие все, что попадает на моем пути! – грозно сообщил Женька, скроив хитрую физиономию, и подмигнул Стасе. – Я легко и непринужденно расправляюсь с разными бумажными изделиями и не только с ними! Мы уже очень давно вместе: Камень, Ножницы, Бумага, – так уж повелось с детства. Живем весело, иногда друг с другом немножко воюем, но расстаться не можем, хоть и разлетелись по разным институтам. Наш богатырь Илюша штурмует сельскохозяйственный, и только его я могу представить рядом с плугом или с трактором, а Вовик – будущий филолог и мастер «великого и могучего» русского языка. Сам удивляюсь, но факты это подтверждают, я даже его зачетную книжку видел.

– Что-то ты о себе мало распространяешься, наш великий скромник! – неспешно протянул Вальдемар. – Знакомьтесь, Стасенька, это Евгеша, он же Женька, Жека, или Женек Дроздов – любимец своей семьи, будущий наследник большого отцовского бизнеса. Весь мир вращается вокруг него, включая нас с Илюхой. В разумной степени мажор и эгоист, но подчеркну, в разумной. И не перечь мне! – Вовик поднял вверх указательный палец и ткнул им в Жеку. – Все для него: медицинский институт, поездки на отдых с родителями в любую часть света, горные лыжи, водные мотоциклы, прыжки с парашютом, полеты на воздушном шаре. Чего душенька его попросит, то Женечка и получит. Единственный затык с этой вашей... как ее называют?

– С патанатомией! – вежливо вставил «Илья Муромец», снова мелькнув забавной щербинкой.

– Ну вот что за друзья? Мерзавцы, конечно, но отчасти правы. В каждой шутке есть только доля шутки. Сдали меня с потрохами. И, заметьте, я фиксирую явно обращающий на себя внимание дефицит их совести!

Стася наслаждалась их шутливой перебранкой, обменом остротами и выпадами то в одну, то в другую сторону, напоминающими движения маятника, который все сильнее раскачивался, но допустимые пределы амплитуды не нарушал. Вечер решено было продолжить в ночном клубе, куда вся компания с большим удовольствием и перебралась. Музыка разрывала уши, вытаскивала откуда-то изнутри неконтролируемое желание двигаться без рассуждений и смысла, просто потому, что все части тела отзывались и хотели немедленной хореографии как возможности вытеснения всех проблем, негативных мыслей, переживаний и усталости прожитого дня.

Горячая смесь эмоций и музыки, подкрепленная коктейлями уже через несколько минут, начисто смыла остаточные воспоминания о сложном экзамене.

– Скажи, какой твой любимый танец, и я скажу, кто ты! – Женька наклонился прямо к уху Стаси и попытался перекричать себя, миллион прыгающих вокруг и издающих вопли людей, а также все грохочущее, звенящее, гудящее и производящее огромное количество разнообразных звуков, именуемых современной клубной музыкой.

Стася мотала головой, показывала на уши, пытаясь жестами объяснить, что ничего не слышит и не понимает, пока Женька не схватил ее за руку и не вытащил на свежий воздух, пробравшись сквозь плотную многоголосую толпу, двигающуюся в одном ритме и напоминающую большой живой организм, способный поглотить, сожрать

и выплунуть. Именно такое ощущение было у Стаси, когда они наконец оказались на улице. Легкий нежный ветерок был спасением после активной танцевальной мясорубки, а синий бархат ночи настраивал на размышления и разговоры.

– Такие танцы – это своеобразный вид безумия, хоть и приносящий пользу, – улыбнулась Стася. – От утреннего нервяка и следов не осталось. Вымело начисто.

– Если танец не в радость, то это физкультура, и, заметь, это тоже очень полезно! – Женька довольно улыбался, внимательно рассматривая девушку.

– Друзья у тебя хорошие, как будто всегда их знала. Уютные и доброжелательные.

– Если в твоей душе осталась хоть одна цветущая ветвь, на нее всегда сядет поющая птица! – задумчиво произнес Женька, разговаривая то ли сам с собой, то ли с прекрасным вечером, то ли с новой знакомой.

– Это ты про Вовика и Илью? Интересно, как давно они сидят на твоих ветвях? – засмеялась Стася, откинув от лица каштановую шелковую челку. Постепенно набирающий обороты ветер неспешно играл с ее прической, перебирая каждую прядку, наводя беспорядок и запутывая идеально гладкие и ровные волосы, что, впрочем, шло ей необыкновенно. Сияющие жизнью глаза цвета синьки, длинные темные, почти взлетающие ресницы, чуть тронутая загаром кожа с пробивающимся деликатным, едва заметным румянцем вместе с растрепанными волосами околдовывали.

– Нет, я не о них. Я о своем... – Женька потрянул головой, будто хотел сбросить ненужные мысли, приподнял руки вверх, словно протягивая их к темному чернильному небу, и воскликнул: – Господи, хорошо-то как!

– Расскажи мне про своих друзей! Хочу знать про вас как можно больше!

– Эти два «чижика» всю школу воевали за одну девушку, за нашу одноклассницу Маечку. Скоро ты с ней обязательно познакомишься. Только одна ее улыбка способна сразу потушить все разногласия этих парней. Любовь их пристукнула одномоментно и наповал. Это из той оперы, когда «и одною пулей он убил обоих». А она это смогла сделать одним взглядом. Как с ума сошли оба, как два коня на скачках, ноздря в ноздю, мчались эти неугомонные под веселые аплодисменты публики, забавляя и удивляя всех вокруг. Победил наш «бумажный король» со своими томными речами и взорами, не оставив шансов златокудрому богатырю Илье. Теперь этому злополучному треугольнику точно пришел конец. Впереди у Вовика с Маечкой свадьба, а потом долгая счастливая и вполне предсказуемая жизнь. Большое счастье, что парни смогли после всего этого сохранить отношения, ну, правда, не без моей помощи. Мы после этих сложных событий, сопровождающихся ссорами, драматическими спектаклями с вечными разборками и недолгими примирениями, все трое сделали на правой руке одинаковые татухи: Time Will Tell, – и Женька завернул чуть выше запястья рукав белой рубашки и поднес руку к лицу девушки.

В свете неоновых лучей татуировка выглядела убедительно: то ли от букв, слегка подрагивающих под яркими лампами, то ли от смысла. От этих слов исходила непонятная тревога, граничащая с опасностью.

– «Время покажет», – задумчиво перевела Стася, невольно передернув плечами, и предложила вернуться в клуб. – Вроде старая и мудрая английская пословица, но на меня всякий раз веет от этой фразы какой-то неизбежностью, мрачным итогом и даже фатализмом!

Музыка стала заметно тише, народ потихоньку рассосался, оставив возможность свободного передвижения и общения. В центре танцпола Вовик завис в устало-неж-

ном медляке с худенькой барышней с высоким розовым хвостиком. За ними все это время наблюдал Илья, расположившийся неподалеку от барной стойки.

– Когда ты в одиночестве, в голову часто начинают проситься депрессивные мысли о смысле жизни! – как будто между прочим заметил Женька, приобняв друга.

– Я не бываю один. Со мной моя внутренняя красота, музыка и новые кеды, – Илья улыбнулся, сверкнув хулиганской щербинкой между зубами и демонстративно выставив вперед ногу. – Наблюдаю вот, как господин Рассказов пудрит мозги какой-то девоньке, свистит и рта не закрывает, постепенно превращаясь в Свистунова.

– Знакомьтесь, Елена Прекрасная! – подошел Вовик, обнимая «розовый хвостик», и тут же продолжил, обращаясь уже непосредственно к ней: – Хочешь научиться танцевать – научись смотреть мне в глаза, тогда все получится.

Девушка была щупленькой и невысокой, а щедро потраченный макияж и волосы странного цвета делали ее похожей на куклу. Ее неестественную, даже натянутую улыбку можно было бы назвать гримасой, но глаза были живыми и с нескрываемым интересом смотрели на Вальдемара.

По фужерам щедро разливалось шампанское, Вальдемар без конца покупал различные коктейли, угощал девушку и с важным, не очень трезвым видом объяснял ей какие-то прописные истины, вызывая снисходительные и понимающие улыбки друзей, периодически провоцируя их на шутки. Он подчеркнуто не обращал на окружающих никакого внимания и сливался в нежном танце с новой знакомой, не прекращая нашептывать ей в ухо что-то приятное и вызывающее ответную улыбку.

Станислава смотрела на происходящее и все больше сомневалась в реальном существовании какой-то

призрачной невесты, из-за которой так долго ломались копья. Впрочем, как только Женька в очередной раз вытаскивал ее саму на танцпол, все эти мысли быстро становились неважными и улетучивались в неизвестном направлении.

Под действием алкоголя розоволосая Елена из Прекрасной сначала превратилась в Премудрую, достав всех окружающих ненужными и неинтересными рассказами о своей непростой жизни, затем у нее отказали тормоза и она стала Прикольной. Напоследок ее банально развезло, и Вальдемар объявил всем, что настало время превращения царевны в Лягушку... путешественницу. Он аккуратно загрузил девушку в такси и повез домой, махнув нам на прощание рукой с уже знакомой татушкой «Время покажет».

– Ты, конечно, можешь считать меня чистоплюйкой или моралисткой, но есть вещи абсолютно неприемлемые для меня... – Станислава смотрела вслед уезжающему автомобилю. – Я не понимаю двойных стандартов и предпочитаю сразу убирать из своей жизни предателей и людей без принципов. Я не понимаю, как можно обнимать тех, с кем холодно, отнимать драгоценное время у любимых и безнравственно тратить его на никчемных. Дьявол кроется в мелочах, хотя какие уж тут мелочи! Рано или поздно, но у вашей Майи обязательно откроются глаза. А может, кто-нибудь ей их откроет. Время покажет!

Наступил рыжий конопатый сентябрь с еще теплыми дождями, робким, но еще заметно пригревающим солнцем, высоким небом, украшенным нежным ожерельем прозрачных облаков, и прохладным ветром, неожиданно кидающим в прохожих пригоршни золотых листьев. Стася и Женя встречались каждый день и с трудом понимали, как же можно было жить друг без друга так долго. Было страшно представить, что они могли сдать эту ужас-

ную патанатомию с первого раза и никогда не встретиться, тем более что учились на разных факультетах. Стася – будущий педиатр, а Жека после лечебного факультета, как и большинство парней, планировал стать хирургом. Стася быстро освоилась и легко вошла в новую компанию, а вскоре познакомилась и с белокурой миловидной Майей, напоминавшей скорее «цветочек аленький», но никак не яблоко раздора и не разрушительницу мужских сердец.

Майя и Вовик всегда сидели в обнимку, не разжимая рук, одновременно начинали говорить и так же одновременно неожиданно замолкали, словно погружаясь в одни и те же мысли. Они, не договариваясь, поворачивали головы навстречу друг другу, рискуя столкнуться лбами, и смотрели в глаза, не обращая внимания ни на кого вокруг. Илья Муромец всегда был рядом, но, надо отдать ему должное, удар держал хорошо и никаких проявлений чувств, обид и недовольства себе не позволял.

На одной из таких встреч довольный Вальдемар торжественно выдал всем симпатичные приглашения на их предстоящую свадьбу. «Похоже, что у них скоро будет ребенок!» – одними губами шепнул Женька Стасе прямо в ухо, так близко прижавшись к ней, что от уха во все стороны тут же полетели волшебные щекотливые мурашки. Важность момента немного испортила странная и не вовремя прилетевшая эсмэска на Вовкин телефон с неизвестного номера. Майя взглянула на экран и задумчиво прочитала вслух интригующее послание: «Я не могу тебя забыть!»

– Ого! Это провокация! Что ответит Штирлиц Юстасу? – Женька попытался сгладить появившееся и мигом разлившееся во все стороны напряжение.

– Офигеть! Кто-то не может меня забыть! А я не могу вспомнить! – хохотнул Вовик вроде весело, но как будто

не совсем искренне, и его лицо в момент стало каким-то протокольным. Стасе показалось, что это заметила не только она, но и все остальные тоже. И от этого стало неловко. Внутри сразу заныло, и захотелось немедленно избавиться от совести, чтобы не мешала жить так же легко, как удается другим.

На Женькин день рождения планировалось что-то грандиозное. Его родители сняли шикарный ресторан, педантично занимались составлением меню и без конца общались с ведущим, обсуждая сценарный план праздника, который хотели сделать сюрпризом для сына. Для непосредственного общения с молодежью и составления креативных поздравлений к подготовке торжества была подключена Стася. Вся эта приятная беготня и творческий предпраздничный процесс познакомили и сблизили ее с Женькиными родителями – так у них появились общая тайна, общие разговоры и общее дело.

Родители своего сыночка обожали и не скрывали этого до такой степени, что Стасе то и дело лезли в голову разные предостерегающие мысли про избалованных мажоров и трудности, связанные с ними, но заморачиваться этой темой ей совершенно не хотелось, да и светлое будущее Женьки не оставляло никаких сомнений. «Главное – быть вместе, а с остальными проблемами как-нибудь разберемся по мере их поступления», – в очередной раз отмахивалась Стася от назойливых дум и мчалась по очередному заданию родителей своего молодого человека.

В зале ресторана, увешанном огромным количеством разноцветных шаров, сразу задающих праздничное настроение, играла легкая музыка, официанты разносили вино; гости потихоньку собирались, неспешно прохаживались по помещению и поздравляли именинника. Слегка запыхавшийся и порозовевший от неожиданности все-

го происходящего Женька подбежал к Стасе и, отведя ее в сторону, поделился, что Вальдемару прилетели большие проблемы:

– Ты помнишь ту девицу с розовыми волосами из ночного клуба в день нашего знакомства? – и после утвердительного кивка в ответ тут же продолжил: – Так вот, эта Елена Безумная оказалась малолеткой, ей всего пятнадцать, и она беременна, судя по всему от Вовика. Его вчера нашли родители этой барышни и поставили перед фактом. Теперь либо женитьба, либо тюрьма, и больше никаких вариантов. И срок беременности у этой крали такой же, как и у Майи.

– Вот и прилетел бумеранг к предателю! Так бывает, когда у человека внутри сквозняк и постоянно ветер перемен гуляет. Очень люблю, когда с людей срывают маски! – позлорадствовала Стася.

– Не срывайте с людей маски, а вдруг это намордники! – засмеялся Женька, пытаясь немного разрядить напряжение. – Когда речь идет о чужих грехах, мы все сразу судьи. Когда о своих – мы адвокаты.

– Ничто так не украшает человека, как дружба с собственной головой. – К ребятам неторопливо подошел Илья, который уже тоже был в курсе происходящего. Он не скрывал разочарования и о чем-то сосредоточенно думал. – Вот это у Вовика называется любить без памяти! Когда точно помнишь, что любишь, но не помнишь кого.

– Он слишком сильно хотел оставить хорошее впечатление о себе, потом надрался и оставил незабываемое. Что теперь будет? – Женька словно со стороны наблюдал выступления артистов, посвященные его дню рождения.

На экране демонстрировался фильм, где он, будучи еще совсем маленьким карапузом, читал стихи на новогодней елке в детском саду, не выговаривая и половины

букв. По залу ходила большая ростовая кукла-тигр, здоровалась со всеми за руку, обнималась и фотографировалась, напоминая гостям, что виновник торжества появился на свет именно в год Тигра. Майя сидела рядом с Ильей, постоянно бросая взгляды на входную дверь и не понимая, куда подевался Владимир. А Владимира не было. Он не пришел ни через час, ни через два. Он вообще не пришел.

В конце вечера Стася была немного обеспокоена тем, что Женька уже довольно долго и слишком эмоционально общается с родителями, активно жестикулируя руками, словно пытаясь до них что-то донести. Стася наблюдала за ними издалека и пыталась угадать, что же еще сегодня может произойти. Вдруг Женька резко развернулся и решительным шагом двинулся в сторону выхода. Ростовая кукла распахнула свои объятия и попыталась поймать именинника, за что чуть не получила по усатой-полосатой морде. Стася бросилась за Женей и настигла его уже на улице. Он был буквально взбешен: желваки играли на щеках, вены на шее надулись, глаза сверкали, – состояние будто перед извержением вулканической лавы. Когда еще чуть-чуть – и уже ничего нельзя будет сделать, нельзя будет остановить, повернуть вспять и исправить...

– Что еще произошло? – слегка запыхавшись от бега, спросила Стася, пытаясь остановить Женьку.

– Ты думаешь, этот праздник просто так организован, чтобы мне приятное сделать? Ничего подобного. Им просто нужно завуалировать, смягчить и подать в наилучшем виде очередную радостную новость. Угадай какую? – Женя на мгновение замер, чуть наклонив набок идеально стриженную голову и приблизив свое ухо к Стасе, словно ожидая ответа. Ответа не было, и он громко захохотал: – И не догадаешься! У них будет ребенок! Даже еще

веселее: у них будет сразу два ребенка! В то время, когда родителями становятся мои ровесники, мамуля с папулей решили потряхнуть стариной и родить себе новых детей, годящихся им во внуки. Душит смех! Что-то сегодня слишком много впечатлений для одного дня. Как бы их правильно рассортировать?.. Я ухожу, пусть дальше сами веселятся. К бабушке уеду, в деревню, в глухомань, там они меня точно не найдут. Пусть попрыгают и немножко понервничают, им полезно.

Праздник удался, хоть в итоге и закончился без именинника, но мало кто из гостей это заметил.

Родители Жени через пару дней нашли Стасю в институте, надеясь, что сын обитает у нее, и вызвали на разговор. Его мама была очень бледной и взволнованной, папа тоже заметно нервничал, хоть старался себя держать в руках и не подавать вида. Стася изо всех сил отнекивалась и не признавалась, что знает, куда делся их сын, пыталась их успокоить, плела какие-то не очень убедительные небылицы про подобные случаи... И только потом, когда они уже попрощались и разошлись, девушку что-то заставило обернуться. Всегда уверенная и очень красивая Женькина мама заметно ссутулилась и как будто уменьшилась в размерах, а папа стоял, так и не двинувшись с места, повесив вдоль туловища руки, показавшись со стороны вдруг слишком длинными и несуразными. И Стася не выдержала:

– Он у бабушки в деревне. Очень страдает. Попробуйте понять его и не ругать.

Возвращение Женьки в город было ознаменовано покупкой новенькой машины для него. Когда Стася вышла из дома, ее поприветствовала веселыми гудками симпатичная Mazda глубокого серого цвета. Она прошла мимо, не поворачивая головы и не реагируя на сигналы, пока дверь не распахнулась и оттуда не выскочил довольный

и веселый Женька, наконец вернувшийся на «большую землю» на новом коне цвета мокрого асфальта.

– Вау! Вернулся! – взвизгнула Стася и повисла у него на шее.

– Главное – не унывать, ведь на собственных соплях легко поскользнуться. – Невесомая родная улыбка, прищур серых глаз цвета дымящегося угля, неожиданно здорово сочетающихся с цветом нового авто, вдруг обнаружили и вытащили понимание того, как же она соскучилась. Вроде всего три недели не виделись, а как будто вечность прошла, поменяв и поломав судьбы.

Женька сразу, без перехода начал сыпать новостями:

– Вальдемар теперь женится на розоволосой Елене, и другого выхода из этой дурацкой ситуации нет. Он в отчаянии, ненавидит себя и всех вокруг, но сделать ничего нельзя: ей всего пятнадцать, и она беременна, и вся ответственность, естественно, лежит на нем. Считает он по кругу, как ковбой с плохим зрением, и свернуть никуда не может. Даже попробовать вырваться из этого замкнутого круга нельзя – у девочки отец и два очень конкретных брата стоят на стреме. Уже назначена дата свадьбы.

– Вот тебе и ясное предсказуемое будущее, а казалось, ничего не предвещало... – Стася задумчиво поправила волосы. – Существуют судьбоносные моменты, когда перед тобой открываются разные двери и встает вопрос, куда пойти. И самое сложное – сделать правильный выбор и двинуться именно в нужном направлении, не обращая внимания на тех, кто мешает, искушает, отвлекает, приоткрывая свои лазейки на перекрестках судьбы. Вовка неожиданно свернул с намеченного пути и сунулся в дверь с названием «Сюрприз». Его и получил. А сюрпризы бывают разные, и не всегда со знаком плюс. А что с Майей?

– Илья от нее не отходит, помогает, утешает, он теперь всегда рядом с ней. У него с выбором дверей, со стрессоустойчивостью и подставленным вовремя плечом как раз все в порядке. Они теперь вместе. Пусть по разным причинам, но вместе. Майя, думаю, от безвыходности ситуации, а Илюха просто нашел правильную дверь с названием «Шанс» и вошел в нее, не сомневаясь ни секунды. Он же Камень – твердый, весомый, умеющий держать равновесие, стабильность, несущий гармонию.

– Да какой он Камень? Если есть сходство, то только внешнее. Он добряк, каких мало, мягкий и нежный. Ни одного жесткого слова от него не слышала!

– Тем не менее дата свадьбы назначена... на тот же день. Уж не знаю, чья это была инициатива. Или просто такой финт судьбы? Шутка такая, когда плакать хочется. Мы приглашены, кстати, на обе свадьбы! – Женька достал из внутреннего кармана куртки два приглашения и покрутил ими в воздухе, предлагая выбрать.

– Никуда не пойдём. Это же будет как предательство либо одного, либо другого товарища. Да и что делать на этих свадьбах? Печаль топить на дне стакана? Сюр какой-то, пир во время чумы. Дай мне слово, что у нас все будет по-другому: без предательств, безумий и абсурда. Хочу, чтобы все было до приторности банально, без сложностей и разных дверей. Пусть будет пышная свадьба с родственниками и друзьями, платье-торт, которое я до этого момента ненавидела, «горько!» с поцелуями до боли, сбор денег в конвертах, дурацкие конкурсы с яблоками и яйцами и грязные танцы, за которые утром будет обязательно стыдно. И отношений я хочу простых и без завихрений, с понятными правилами и без эмоциональных взрывов! Таких, как «палка-палка-огуречик». Если мы вместе, то это навсегда. И точка.

– Слово даю. И точка. И даже не представляю, что может разлучить нас. Все будет по-другому, вот увидишь!

Мерзкая ноябрьская погода отражала общее настроение торжественного дня. Дожди стекали по стенам, пробирались по асфальтовым дорожкам и барабанили по лужам, поднимая вверх пряный запах мокрой листвы. Тяжелое сырое небо, неряшливо заваленное мрачными лохматыми облаками, нависало, давило и постоянно слезилось. Утренний легкий прохладный ветерок сменился к вечеру промозглым стремительным вихрем, самоуверенно хозяйничающим на уличных перекрестках, отчаянно треплющим и безжалостно обдирающим остатки крон, сшибающим с ног и беспардонно забирающимся под одежду.

– Природа словно бесится от происходящего и плачет, – Стася проворно запрыгнула в машину и устроилась рядом с Женей. – Вот и состоялись две нелепые свадьбы. Пьют и пляшут. Что дальше?

– Дальше семейное положение – безвыходное. Все в этом мире не случайно. Один неосторожный поступок может сломать все. И никакая работа над ошибками не спасет. Я рад, что мы забежали их только поздравить. Праздновать этот шабаш нет никакого настроения, – Женька завел мотор и медленно покатиł вдоль серой мрачной улицы, утопающей в мутной воде и мокрых листьях, безвольно и обреченно плавающих в лужах.

– Майя была сегодня очень красивая в своей фарфоровой бледности и какой-то царственной сдержанности. Такая изысканная, отстраненная, с минимизацией своих чувств и ощущений. А Илюха счастлив, просто искренне и неподдельно счастлив. Сообщил мне по секрету, что у них с Майей скоро будет ребенок. Как будто я не знаю всей предыстории! И мне показалось, что он верит в то,

что говорит. Может, по глинтвейну? Душа требует согреться! – Стася достала из сумки теплый мохнатый шарф в красную клетку, напоминающий милый домашний плед, и намотала на шею.

– Елена Дурацкая тоже довольна: неделю назад ей исполнилось шестнадцать, а уже замуж вышла. Ей бы лучше в классики играть или истории для социальных сетей снимать. Вовику не позавидуешь... Куда бедолагу занесло! Но он держался молодцом, даже шутил и улыбался. Знаешь, в жизни как в шахматах: потерял королеву – наслаждайся пешками. А глаза... Ты обратила внимание на его глаза? Они стали какого-то непонятного цвета болотной мути. А может, мне все это мерещится? – Женя остановился рядом с крохотным кафе, сквозь большие окна которого пробивался приглушенный свет, охватывающий маленькие столики с яркими красными скатертями и свечами в прозрачных квадратных стаканах. Широкие уютные, обволакивающие кресла приглашали отдохнуть и расслабиться. Внутри было тепло и пахло кофе. Свободных мест почти не было, все люди забрели сюда как будто случайно, спасаясь от непогоды, но сидели долго, не в силах заставить себя вырваться из этого маленького теплого оазиса в мокрую холодную стихию навстречу ветру и дождю.

– А родственники у этой Елены не такие уж и плохие. Веселые, доброжелательные. Я бы даже сказала, что белые и пушистые! – Стася припала к трубочке с глинтвейном, и долгожданное тепло мгновенно стало разливаться по телу, отпуская тревогу.

– Плесень тоже белая и пушистая, но даже находиться с ней рядом вредно для здоровья! Давай оставим их всех в покое, отпустим ситуацию. От нас давно ничего не зависит. Пусть будут счастливы! – Женя приподнял свою прозрачную тяжелую кружку с горячим красным вином,

щедро сдобренным медом, кусочками апельсина, пряностями, и аккуратно прикоснулся ею к кружке девушки. – Главное, чтобы мы друг для друга были самым важным, а не просто временным пристанищем, или генеральной репетицией, или тренировкой перед самым важным...

– Так и будет! – Стася сделала большой глоток глинтвейна и откусила кусочек брускетты с топленым сыром, вялеными томатами, пряным луком и морской солью, зажмурившись от удовольствия.

– У меня родители в состоянии чуть ли не развода... – Женя долго молчал, прежде чем начать этот разговор. – Оказывается, этот сюр с рождением детей был их последней попыткой сохранения семьи. Я ничего не знал: скрывали. У папы вторая семья на стороне, и там тоже будет ребенок. Откуда сразу столько детей на наши головы и зачем? И все должны появиться примерно в одно и то же время. И вроде не сон это. Неужели этот абсурд происходит в реальном времени?

Неожиданные новости, прилетающие каждый день с разных сторон, как кирпичики выкладывались друг на друга и поднимали вверх настоящую разделительную стену, не позволяющую «Камню, Ножницам, Бумаге», да и всей компании жить так, как раньше. Жизнь причудливо и с невероятной скоростью тасовала людей в своей колоде, не давая опомниться и осмыслить происходящее.

За сырой слезливой осенью с летающими листьями и бесконечной патиной дождей неожиданно явилась розовощекая зима с крахмальным хрустом наста, обильными снегопадами и серебряными рисунками на стеклах. Не успели привыкнуть к вьюгам и снежным вихрям, как потеплело, солнце стало все активнее припекать землю своими смелыми лучами, застучала беспечная капель и болтливые ручьи известили о приходе весны. За это время веселая компания ни разу не встретилась в пол-

ном составе; нет, конечно, кто-то иногда друг с другом перезванивался и даже виделся, но в отношениях царило полное оцепенение, порой переходящее в тупой безрадостный паралич. Как общаться дальше, никто не понимал, поэтому все поставили жизнь на паузу и медленно, не форсируя, привыкали к новому формату действительности.

Дети появились на свет в солнечном мае, наполненном птичьим щебетанием, пахнущем сиренью и ландышами. Стася помогала Жене собирать вещи для близнецов на выписку из роддома, потом вместе они встречали маму, помогали устраивать детскую комнату и были на подхвате. Папа болтался между двумя семьями, жил еще тут, но всеми мыслями был в другом месте.

Напряжение нарастало медленно, но неминуемо, словно снежный ком, который потихоньку увеличивался в размерах, разгонялся, и чем больше он становился, тем сложнее было его затормозить. Все чувствовали, что скоро настанет тот момент, когда он наберет такую силу, что остановить и вернуть все назад будет уже невозможно.

Мама переживала, плакала, выясняла отношения при каждом возможном случае и тем самым еще сильнее отталкивала. Стоило отцу только переступить порог дома, как тут же начинались крики, упреки детьми и загубленной молодостью. Он долго не выдерживал и снова уходил. У мамы началась депрессия, пропало молоко. Круговерть с памперсами, больными животиками и бессонными ночами все только усугубляла.

Стася с Женькой, сдав сессию и пройдя практику в городских клиниках, оставшееся лето провели в компании детей и их уставшей мамы. Детки были чудесные – мальчик и девочка, очень напоминающие самого Женьку в детстве, такие же симпатичные, с дымчатыми серыми глазами и очень подвижные.

Как-то около детской поликлиники Стася встретила Илью, уверенно толкавшего красивую голубую коляску в сторону своего дома. Он, сияя от гордости, аккуратно опустил край симпатичного синего одеяла со слонятами и продемонстрировал мирно посапывающего с соской малыша. Он знал все, что только может знать молодой отец, и даже больше, с превеликим удовольствием рассказывал о кормлениях, прогулках, сне, новой удобной кровати, разборном манеже и щедро делился телефонами лучших детских массажистов, педиатров и нянь.

– Как поживает Маечка? – поинтересовалась Стася. – Я очень давно ее не видела.

– Все прекрасно, девонька! Ты просто не представляешь, насколько все хорошо! Мне запрещено распространяться на эту тему, но тебе скажу: у нас будет второй ребенок! Будет еще один Мотыльков, а если повезет, то малышка Мотылькова! Вот такие новости, от которых я не могу в себя убраться! Не могу молчать и готов обниматься со всем миром! У нас дома полное взаимопонимание. Мы научились молчать вместе, когда ни слова, ни звука, но совсем не одиноко, даже наоборот. Не надо злиться. Не надо кричать. Иногда можно улыбаться и только едва заметно кивать. Это дорогого стоит! – Илья вдруг засуетился. – Пора, пора обедать, мамочка наша ждет, уже опаздываем! – и весело, почти вприпрыжку помчался домой, поправляя на ходу то соску, то синее одеялко, то коляску.

Станислава не могла сдвинуться с места и смотрела ему вслед. Эта мимолетная встреча пахла как свежий ветер на веранде, как горячие обжигающие пироги на уютной кухне, как любовь, как смех, когда все хорошо. Стася подняла голову вверх. Солнце осторожно прощупывало нежные ажурные, чуть дремлющие ленивые облака, разрезая их лучами на эфемерные субстанции, напоминаю-

щие кружева, органзу и тонкую дымку вуали. Подумать только, всего год прошел с того памятного дня всеобщего знакомства и победы над патанатомией, а так много всего изменилось! Всего год. Или целый год?

В первый день нового учебного года Стася опоздала на лекцию и при всем курсе получила взбучку от заведующего кафедрой. Потом позвонил Женька и сообщил, что отец собрал свои вещи и окончательно съехал из дома, мама в ауте, дети на нем, а он в бешенстве от всего происходящего.

При первой же возможности Стася выбралась из института и помчалась на помощь. Квартира вроде бы сильно не изменилась, заметного беспорядка не было видно, но изо всех щелей тянуло непривычным холодом и пустотой, присутствовал чуть ощутимый запах валерьянки, подчеркивающий признаки нездоровой обстановки в доме. Женька полулежал, вытянув ноги, в небольшом кресле в прихожей и не двигался, внимательно наблюдая, как Стася раздевается и вешает одежду в пустой шкаф.

Тишина в этой квартире, особенно после появления детей, была редко. Один маленький ребенок в семье – это всегда непросто. Два маленьких ребенка – это трудностей больше не в два раза, а в четыре, в шесть, в восемь. Угломонить сразу двух малышей, особенно находящихся в одной комнате, неподготовленному человеку нереально. А тут, словно почувствовав необходимость немедленного отдыха с целью обыкновенного самосохранения оставшейся семьи или включив свои дремлющие защитные механизмы, уснули сразу все, включая маму. Стася присела к Женьке на колени и обняла его.

– Не ходи по дороге злобы, если пойдешь, то не сможешь потом свернуть. Прости отца. Нужно как-то жить дальше.

– Странный сегодня день! День разрушения моей жизни... Вроде все было так крепко и незыблемо, но разлетелось в один миг, словно карточный домик. А Вовик, оказывается, всю неделю в реанимации пролежал с осложнениями после удаления аппендицита. Не шел в больницу до последнего, терпел, вот и дотерпелся до перитонита. Еле вытащили с того света. Сегодня его в палату перевели. А я и не знал! Совсем мы потерялись... Оказывается, он ушел от своей хитроумной Елены через два месяца после свадьбы и снова живет с родителями. Как выяснилось, ее беременность неожиданно рассосалась, а может быть, всю эту историю она сочинила.

– Элегантно, однако! Давай навестим его в больнице, – тут же предложила Стася.

– Поехали. Я больше не могу оставаться в этом доме печали. Целый день меня воспоминания мучают. Куда ни гляну – везде они, каждая вещь здесь со своей историей, с каждой стены на меня смотрит счастливая семья из безвозвратно ушедшего безмятежного времени. Я все фотографии снял: сердце рвет, терпеть невозможно.

Стася и Женька, будучи студентами-медиками, понимали, что после операции вряд ли можно есть что-то вкусненькое, поэтому захватили с собой только минеральную воду и воздушный шар в форме огромного красного сердца с надписью: «Мы тебя любим!». Чем ближе они подходили к больнице, тем больше их охватывало состояние той забытой радости общих встреч, когда все существовали одним сплоченным сообществом, когда можно было болтать без умолку на любую тему, не опасаясь обид, и с удовольствием «пощипывать» товарища, вступая с ним в словесную перепалку, когда встречались и в будни, и в праздники и казалось, что так будет вечно...

Прямо около входа в стационар ребята лоб в лоб столкнулись с Ильей и дружно захохотали от такого сюрприза,

оттого, что сильно соскучились и что дружба возвращается; оттого, что Илюха был нагружен огромными сетками с апельсинами, яблоками, соками, еще какими-то коробками в таком количестве, что съесть и здоровому человеку невозможно, а послеоперационному больному просто категорически нельзя; оттого, что Вовик всех очень сильно напугал, но теперь он обязательно поправится и все будет хорошо, все обязательно будет по-прежнему, как было раньше...

Стася с Женькой бодро шагали по лестницам и коридорам, неся перед собой большущее яркое сердце с надеждой поднять настроение болеющего друга. Сердце застревало в проемах коридоров, все смеялись, проталкивая его через узкие места и получая бесконечные замечания от медперсонала. Илья шел следом, таща с собой недельный запас продуктов питания. К тому моменту, когда палата с нужным номером была обнаружена, всеобщее веселье достигло апогея. Женя толкнул дверь и влетел в комнату, размахивая руками и набрав в легкие побольше воздуха, готовясь выдать приветственную тираду, но замер на полуслове... От неожиданности на него сзади наткнулась Стася и тоже остановилась...

Бледный и сильно осунувшийся Вовик полулежал на больничной кровати с приподнятым верхом и одной рукой обнимал прижавшуюся к нему заметно пополневшую Майечку в накинутом на плечи белом халатике. Между ними происходило что-то на субатомном уровне, только их касающееся и им понятное. Они не двигались, не разговаривали, просто очень крепко держали друг друга, боясь отпустить даже на долю секунды и снова потерять. Они не видели и не слышали никого вокруг, весь мир замер и перестал для них существовать.

Стася почувствовала неловкость и желание куда-нибудь срочно спрятаться, а еще с ужасом поняла, что

не может оглянуться назад и увидеть большого, доброго, правильного и заботливого отца семейства Илью, увешанного сетками с витаминными запасами. Уже не в первый раз за этот день давящая тревожная тишина заползла и заполнила все вокруг, подчеркивая безысходность происходящего. Секунды растянулись в вечность. Сердце со словами любви отнесло в сторону, и оно стало никому не интересно. Глухой удар сетки с апельсинами об пол вывел всех из оцепенения.

Майя медленно повернула голову и, глядя мужу прямо в глаза, ни на сантиметр не отстраняясь от Вовки и не выпуская его руки, негромко произнесла:

– Ты прости меня, пожалуйста, но я не вернусь к тебе. Не могу. Я жить хочу. Счастливой быть хочу. С Володей. Петь хочу, танцевать, новости обсуждать и громко кричать, спорить, если хочется или с чем-то не согласна. Ненавижу вечное спокойствие и совместное бессмысленное идиотское молчание ни о чем, оно выматывает, холодит душу и забирает мою волю...

– Надейся на лучшее, но готовься к худшему. Вот я целый день думаю: вроде все хорошо, а глупое сердце почему-то скулит и ноет, словно от боли. И понять не могу, к чему бы это. Теперь понял, не дурак! – Во взгляде Ильи промелькнуло тихое, граничащее с безумием недоумение. Он медленно оглядел разлетевшиеся во все стороны апельсины. – Веселый пол какой получился, оранжевый рай просто! Как будто счастье умеет разлетаться на множество ярких мелких капелек... Наверное, оно было эфемерным, мое счастье, но таким похожим на настоящее, что я поверил! – Илья присел на корточки и стал медленно и тщательно собирать апельсины в сетку, как будто это самое важное дело, требующее срочного выполнения.

– Ну вы молодцы! Отличное решение! Главное, чтобы вам было хорошо, больше ничего не колышет! Ну и денек

выдался сегодня! – Женька со всей силы двинул кулаком по яркому ни в чем не повинному воздушному шару, и он, дернувшись, словно в неожиданном припадке, обиженно отлетел в дальний угол больничной палаты. – Ни минуты больше тут не останусь! – Он развернулся и быстрыми шагами вышел.

Стася бежала за ним по длинным коридорам, пытаясь остановить и что-то объяснить, но бесполезно. В самый неподходящий момент зазвонил телефон и она замешкалась в его поисках, потом долго пыталась что-то ответить однокурснице, но в итоге связь оборвалась. Стася выскочила на улицу, когда Женька на полной скорости с пробуксовкой вылетел со двора на проезжую часть и скрылся из виду. В ее голове мелькнула предательская мысль: такая езда может легко довести «день разрушения жизни» до своего логического завершения. Внутри все сжалось и заледенело от неприятного предчувствия, страх мерзкой змеей залез под кожу и давал о себе знать разбежавшейся в разные стороны неприятной дрожью. Слишком много всего для одного обычного серого осеннего дня с прохудившимся небом, мокрым, мерцающим в свете фонарей асфальтом и периодически взлетающими от резких порывов ветра тяжелыми сырыми рыжими листьями, уже неспособными куда-либо улететь и плюхающимися тут же в грязные холодные лужи.

Во всем виновата скорость, выбивающая эмоцию, а также нервы, требующие все той же скорости. Замкнутый круг какой-то получается! А тут еще добавился один слишком крутой и скользкий поворот, в который Женька не вписался и в результате вылетел на обочину. Его остановило большое корявое дерево с разлапистыми ветвями, толстым, искривленным и неоднократно битым на этом крутом повороте стволом – такое несчастливое дерево с непростой биографией на выезде из города.

Женьку со сломанной и зажатой намертво ногой нашли достаточно быстро в разбитой машине. Скорая помощь, вызов МЧС для освобождения его из железных тисков, потом хирургическое отделение очень надолго, бесконечные операции и длительное неуверенное балансирование между жизнью и смертью. Началась гангрена. Каждый прожитый день был похож на подвиг. Стася практически поселилась в больнице, выходя оттуда только в случае крайней необходимости. Родители трясли город в поиске дефицитных лекарств, на уши были подняты все знаменитые медицинские умы, притянуты лучшие силы из столицы. Угроза жизни отступила, только когда Женьке ампутировали ногу ниже колена.

А дальше все изменилось. Тот душка и острослов, кумир и баловень Женя, которого все знали именно таким и восхищались, которому пытались подражать и соответствовать, замкнулся в себе, сократив общение до минимума, перестал стричься и отрастил длинные волосы, подчеркивая, что он теперь совсем другой и больше у него нет ничего общего с тем фаворитом судьбы, красавчиком и всеобщим любимцем из прошлой жизни. Такой почти детский лохматый волосатый протест...

Родители радовались тому, что сын остался жив, приняв действительность как данность, и как-то быстро целиком и полностью погрузились в свое настоящее. Молодевший и посвежевший отец с открывшимся вторым дыханием увлеченно возил свою новую семью в самые неизведанные точки земного шара и рассказывал в основном только об этом. Мама, в свою очередь, преобразившись внешне и настроив себя на позитивный лад, начала делать удачные попытки построить свою личную жизнь.

Все вокруг постепенно налаживалось, только один вопрос оставался еще открытым: что делать с детьми – двумя малышами и студентом-инвалидом, которые ни-

как не вписывались в перспективное светлое будущее Женькиных родителей? Отец придумал гениальное решение и оптимальный выход из сложившейся ситуации. Поскольку сыну-инвалиду теперь будет сложно зарабатывать, то теперь Женькиной работой станут братик и сестренка, за что ему была назначена зарплата. Отец четко и ясно, где-то, может, даже жестковато и по-мужски, разложил свою позицию старшему сыну, обозначив его сферу ответственности, пообещав оплатить хороший протез, не оставив при этом никаких вариантов для выбора. Академический отпуск в институте этому решению способствовал, о выходе на учебу никто не заговаривал, априори подразумевая, что еще не время для этого. Про бизнес-преемника в лице Женьки все как-то неожиданно забыли. Спустя пару месяцев Женя позвонил Стасе и попросил ее забежать вечером к нему домой. В квартире никого не было, в прихожей стоял навязчивый сладковатый запах дорогого парфюма.

– Мама в театр ушла, в оперный москвичи с гастроллями приехали, там сегодня аншлаг! – Женька откинул с лица отросшие волнистые волосы, забрал их в хвостик и долгим пронизывающим взглядом смотрел на девушку, словно собираясь с мыслями. – Нам давно нужно поговорить с тобой. Многое изменилось за последнее время. Я больше не завидный жених из перспективной семьи. Я инвалид без ноги и без надежды на будущее. Я все оттягивал этот разговор, но от себя трудно убежать, да и тебя не хочется обманывать. Теперь цель моей жизни – воспитание брата и сестры. Пока они маленькие, у меня есть минимальный заработок – на кусок хлеба. Что будет, когда они вырастут, честно, не знаю.

– Прекрати, Женька! У тебя обеспеченные родители, и они тебя никогда не бросят. Мы были вместе все это время, мы вместе и останемся.

– Нет, не останемся. Я слишком люблю тебя, чтобы портить твою жизнь. Ты слишком хороша для меня. Твое будущее не может быть связано с инвалидом. Это мое решение, и я его не изменю, – Женя сказал, как отрезал, словно острыми ножницами прошелся по живому, в очередной раз напомнив, что школьные прозвища даются не зря. Стася плакала, пыталась что-то объяснить, уговорить, умоляла оставить все как есть, но его было не убедить.

Они расстались быстро и тихо, одним днем. Стася потом долго приходила в себя, редко разговаривая вообще и никогда не обсуждая эту тему. Она лежала часами на кровати, уткнувшись носом в стенку, пропускала учебу, плохо спала и мало ела, безжалостно испортила свои красивые гладкие волосы, напоминавшие шелк, обрезав короткую челку и превратив ее в безжизненный ломкий белый клочок. Подруги иногда заходили и пытались вытаскивать ее вечерами на улицу, заставляя двигаться и пробуя пробить хоть на какие-то человеческие эмоции. Эмоций не было. Она потихоньку умирала, и казалось, что конца этому не будет никогда.

Спустя два года Стася удивила всех, выйдя замуж за своего институтского преподавателя инфекционных болезней. Он был старше на двадцать лет, с квартирой в центре города, с почти законченной докторской диссертацией и хорошими перспективами на заведование кафедрой. О какой-то любви говорить было сложно, но девушку никто не осуждал, да и она пребывала в полной уверенности, что все самое лучшее в ее жизни уже было и прошло.

***

Стася смотрела в окно немигающим взглядом. Что-то в ее застывшей позе было неестественным, напоминаю-

щим сильно перетянутую струну, которую сложно стронуть с места, а еще труднее заставить правильно звучать. Она на секунду выглянула во двор, отодвинув яркую плотную занавеску в красных маках, да так и замерла, приподнявшись на пальцах, как хрупкая длинноногая цапелька с одной высоко поднятой согнутой лапкой, которую забыла опустить.

– Кто это, Стася? – я подошла ближе и посмотрела в окно на длинноволосого парня, играющего с детьми и ловко наполняющего песком яркие ведерки в зеленых и розовых горошках.

– Это Жека. Помнишь моего Женьку? – Голос ее прозвучал неожиданно хрипло. – Больше двух лет не виделись.

– Ни о чем не надо жалеть! Это его выбор! Пусть им и наслаждается! Это мое мнение! – Я испугалась за дочь, мне стало реально страшно, что сейчас снова начнется все то, о чем мы только начали забывать.

– Да какое ты можешь иметь мнение? Что ты вообще знаешь, чтобы так рассуждать? – Всегда приятное лицо Стаси напряглось, щеки провалились, глаза и рот превратились в узкие щелки, теряя миловидность. – Это не Женя, а я тогда психанула в больнице, когда мы пришли навещать Вальдемара и встретили там Майю! Это меня тогда захлестнуло от очередного, с такой легкостью выполненного убийства хорошей семьи, от несправедливости и жалости по отношению к Илье. Я не хотела там больше оставаться, а Женька бежал за мной и все время повторял, что нельзя так реагировать на чужие поступки и осуждать людей, что это не наше дело и невозможно за кого-то решить, как поступить правильно. Мы тогда впервые серьезно поссорились. Это я накрутила его и заставила уехать побыстрее из больницы... Я тоже была в той машине, разбившейся на скользкой мокрой дороге, просто Женька под удар себя подставил, а меня спас!

– Как так?.. Все равно ты не виновата, не ругай себя! За аварию в ответе тот, кто сидел за рулем. И потом, он сам от тебя отказался, значит, не твой человек...

Дочь закинула голову и громко, неестественно, даже как-то натуженно засмеялась. В голове мелькнуло, что, наверное, именно такой хохот называется гомерическим и именно он звучит, когда люди сходят с ума.

– Все было не так, все наоборот! – Стася резко перешла на слегка посвистывающий полусшепот. – Это Женька умолял меня не рубить плеча и остаться, говорил, что я единственный человек, который может вытащить его из этого жуткого болота, единственный, ради которого он может продолжать жить, иметь цели и стремления, чтобы преодолевать и побеждать. Он обещал, просил, унижался... но я ушла.

– Но почему, Стася? Ты же так любила его! – Я вдруг с удивлением заметила, что всегда яркие глаза дочери, напоминавшие обычно нежную и ажурную синь васильков, стали бледными, выцветшими и мутными, как у мертвой рыбы. Голову начало медленно стягивать, словно железным обручем, а сердце пошло резко и взхлеб выстукивать непонятную дробь.

– Потому что я не хочу связывать свое будущее с од-ноногим инвалидом и двумя чужими малолетними деть-ми. Понятно? И тема эта закрыта отныне и навсегда.

На меня вдруг сразу навалилась невероятная уста-лость, ноги стали ватными и очень тяжелыми, захотелось забраться под одеяло с головой и отмотать назад плен-ку сегодняшних событий, нажав в нужном месте кнопку «стоп». Я не понимала, кто и когда успел так испортить дочь, даже хотела спросить, но не смогла. Почему-то сра-зу вспомнилось когда-то удивившее меня определение счастья – это когда дети сыты, обуты, довольны и их нету дома. Мне не хотелось видеть Стасю, и я ничего не могла

с этим поделаться. Хотелось, чтобы ее подольше не было дома. Пусть у нее обязательно все будет хорошо, и чтобы я об этом знала, но на расстоянии. Ад, который она в себе носит, мне выдержать не под силу...

Женька через какое-то время уехал из города вместе с детьми в неизвестном направлении. Слышала, что с ним иногда дистанционно общается Илья, но больше информации никакой нет.

Володя и Маечка живут вместе и производят впечатление абсолютно счастливых людей. Они воспитывают двоих сыновей и ежемесячно получают на обоих алименты от Ильи, потому что дети были рождены в браке именно с ним, а отказываться от своего отцовства Илюха категорически не намерен.

Елена Ужасная, так ее называли в последнее время, сменила розовый цвет волос сначала на желтый, потом на зеленый. Потом снова вернулась к розовому и вышла замуж повторно – видимо, в этом цвете ей фартило больше всего.

Станислава живет своей сытой размеренной жизнью, без нервов, без поисков заработка на кусок хлеба, без любви и эмоций. Ее сложно вывести из равновесия, как будто все чувства давно растрочены, она всегда одинаковая, в горе и в радости, такая замороженная принцесса. Единственный раз я увидела блеск и оживление в ее глазах, когда много лет спустя мы вместе с ней случайно в магазине встретили Илью. Это было в преддверии Нового года, кругом царил праздничный суматоха: люди тащили елки, игрушки, какие-то подарки, продукты, шампанское, – броуновское бурление в отдельно взятом магазине. Илья тоже находился в движении, толкая перед собой большую тележку, набитую всякой всячиной, с горкой, напоминающую издали горбатого верблюда. Улыбка во весь рот, доброжелательность, богатырская

сажень в плечах, вроде бы все тот же Илья Мотыльков, все тот же увесистый краеугольный Камень – крепкий, прочный, иногда философский и даже жертвенный... Но что-то в нем изменилось, что-то стало другим, и это цепляло взгляд, но не давало понимания.

– Не поверишь, девонька, – обратился он к Стасе, – а мы ведь снова вместе – Камень, Ножницы и Бумага... Женька на пару дней приехал, это целое событие. Даже распутника Вальдемара в компанию вернули по такому случаю! Простил я его, да, собственно, и прощать-то не за что. Это ведь мне тогда несказанно повезло, что достался кусочек счастья, мне не предназначенного. Да еще и двоих детей имею на память о чудесном времени, проведенном в обществе любимой женщины, вижу с ними, общаюсь, участвую в их воспитании. Пусть сквозь зубы, но удача улыбнулась мне.

– Как дела у Жени? Как его здоровье? – дочь поинтересовалась очень дежурно, как бы между прочим, но так напряглась и вытянулась в струнку, что я сразу почувствовала ее волнение.

– А ты разве ничего не знаешь про Женькины дела? – Стася в ответ медленно покачала головой. – Вся страна знает, а она нет! А про известного писателя-сценариста Станислава Дрозда что-нибудь слышала, того, что был долго окутан тайнами и не давал интервью?

– Конечно. Он собрал все премии, какие только возможно. Я все его книги прочитала и фильмы по его романам смотрела.

– Так вот, это наш Женька и есть. Известный, богатый и умный, с острым языком-бритвой. Нет, не так, он по-прежнему Ножницы – изящные, гламурные, колющие и режущие. Популярный писатель-фантаст, наша гордость, гордость страны и родного города. «Вы слышали, как поют дрозды?» Вот-вот, сегодня и споет наш Женечка,

и спляшет, с крутым протезом быстрее меня бегают, а мы уж поляну накроём, за нами не заржавеет. А имя-то себе какое взял – Станислав! Угадывается сразу что-то до боли знакомое. Как кораблик назовешь, так он и поплывет! И поплыл же! – Илья внимательно, изучающе посмотрел на замолчавшую и пытающуюся осмыслить услышанное Стасю, лицо его на мгновение посуровело, и он негромко, сухо добавил: – Прогодала ты, девонька! И не просись с нами, извини, но мы теперь встречаемся без женщин. Мы все пусть по разным причинам, но стали очень избирательными к заполнению своего внутреннего пространства. «Ничего лишнего и ненужного, никакого хлама. С глаз долой – из сердца вон!» – ничего личного, это так Женька говорит. Он давно не держит зла за прошлые обиды, держит исключительно дистанцию. А я предпочитаю общение с людьми, которые мне приятны и не являются предателями. Извини. Ты не подходишь.

Я слушала разговор со стороны и вдруг поняла, что в Илье изменилось: он стал полностью соответствовать своему детскому прозвищу и превратился в настоящий Камень, твердый и жесткий, готовый без страха и сомнения рубить плеча. Куда-то пропала его привычная мягкость, а еще исчезла веселая хулиганская щербинка, сделав зубы идеально ровными, белоснежными, не терпящими даже намеков на былые изъяны.

Илья улыбнулся мне и, бросив беглый взгляд на часы, поспешил попрощаться.

Стася не сводила глаз с его запястья и до боли знакомых слов: «Время покажет».